

The book cover features a romantic illustration of a man and a woman. The man is shirtless, muscular, and has dark hair. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a light-colored, possibly white, dress with lace details. They are in a close embrace, nearly kissing. In the background, there are hints of a classical setting with a bust and a vase. A red oval badge in the upper left corner contains the text 'DANGEROUS DALLIANCE'. At the bottom, the author's name 'Джон Вэйт' is written in a script font, and the title 'ОПАСНЫЙ ФЛИРТ' is in a large, bold, serif font within a white rectangular frame.

DANGEROUS
DALLIANCE

Джон Вэйт

ОПАСНЫЙ ФЛИРТ

Джоан Смит Франческа

OCR Ansoury

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158368

Опасный флирт: Русич; Смоленск; 1994

ISBN 985-429-001-8

Аннотация

В книгу современной американской писательницы Джоан Смит вошли три увлекательных романа о любви, в центре которых – прекрасные женщины, их чувства, страсти, и конечно же, любовь!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	34
ГЛАВА 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джоан Смит Франческа

ГЛАВА 1

Леди Кэмден, известная в кругу близких друзей как Френки Дэвлин, последний раз взглянула в зеркало. Темная голубизна платья, слегка оттененная фиолетовым, удачно сочеталась с цветом ее глаз. Платье было вызывающе декольтировано, обнажая начинающуюся округлость кремовой груди. Распущенные блестящие черные волосы, с легкомысленными завитками вокруг лица, делали ее особенно бледной.

Леди Кэмден вернулась к туалетному столику, аккуратно нанесла на щеки немного румян. Подумать только – всего двадцать пять, а она уже вынуждена прибегать к баночке с румянами, чтобы придать лицу свежесть и большую выразительность! А виной всему эти поздние ночные развлечения... Но ведь надо же получать от жизни хоть какое-то удовольствие! По крайней мере, она всегда высыпалась после подобных вечеров.

Возле двери появилась тень и вошла пожилая леди. Это была высокого роста женщина, худая, с седеющими волосами, связанными в узел под белым чепцом. Она хмуро сдвинула брови, увидев отраженный в зеркале глубокий вырез на

платье своей племянницы.

– Ты с кем уходишь сегодня вечером, Френ? – спросила она.

– С майором Стэнби, – ответила Френки через плечо. Миссис Дэнвер попыталась улыбнуться, но улыбка получилась натянутой.

– Снова майор Стэнби? Вот как? Похоже, твое увлечение становится серьезным, – сказала она с надеждой в голосе.

Леди Кэмден боялась встретиться взглядом со своей собеседницей.

– Он просто друг, тетушка. Пожалуйста, прошу тебя, не строй никаких планов на этот счет. С меня достаточно одного замужества.

Ее срывающийся голос говорил о том, что даже одного замужества было более чем достаточно.

– Майор Стэнби в ближайшие дни возвращается на Пиренейский полуостров.

– Куда же вы собираетесь сегодня вечером?

Леди Кэмден безразлично повела плечами, еще больше обнажая при этом грудь, что явно не нравилось миссис Дэнвер.

– Я не знаю, куда-нибудь. Стэнби сказал захватить с собой маску, так что мы, возможно, зайдем в Собрание.

Миссис Дэнвер в испуге приложила руку к губам.

– Собрание?! Моя дорогая, ведь это не самое подходящее место. Говорят, что мужчины ищут там – э-э... легкомыс-

ленных женщин.

— Они находят там также и настоящих леди, которых трудно распознать сразу. Не беспокойся. И пожалуйста, не жди меня, тетушка. Возможно, я вернусь поздно.

Миссис Дэнвер покачала головой, глядя на отражение племянницы в зеркале. И как это хорошенькая маленькая Френ могла превратиться в такую — ну, если не «легкого поведения», то уж, по крайней мере, легкомысленную женщину?...

— Эти поздние ночи начинают сказываться на тебе, Френ. Ты похудела — хотя, должна сказать, все еще неплохо выглядишь.

Леди Кэмден аккуратно закрыла баночку с румянами и бросила ее в сумочку. «Ничего шокирующего для бедной тетушки».

— Ну, спасибо. Поздние вечера, как видишь, идут мне на пользу. А теперь я ухожу.

Взмахнув кончиками пальцев и вспорхнув голубым шелком платья, Франческа выскользнула из комнаты. Миссис Дэнвер с грустью посмотрела ей вслед. Бедная девушка! Она старалась, как только могла, забыть прошлое, но это ей не удавалось. Когда получили известие с Пиренейского полуострова о том, что Лорд Кэмден убит, Франческа превратилась в тень. Его смерть была насколько неожиданной, настолько и невероятной. Кэмден был даже не офицером, а гражданским служащим, назначенным на должность посред-

ника между военными кругами и правительством. Это назначение казалось поначалу безопасным, хотя Франческа и умоляла его не уезжать. Для Кэмдена было очень необычно занять такое положение, но ему были свойственны безответственность и нежелание чем-либо долго довольствоваться, включая женитьбу.

Они были женаты только шесть месяцев. Однажды пасмурным днем Кэмден приехал в Суррей и завоевал там сердце Франчески, простой сельской девушки.

Она не смогла устоять перед его обаянием, хорошей внешностью и титулом. Они стали супругами через два месяца, несмотря на неодобрение обеими семьями столь поспешного решения.

Кэмден немедленно увез её в Лондон к началу первого увеселительного сезона. Письма Франчески домой были полны радости и восхищения. Дэвид смог представить ее при дворе, она встречалась с принцем Уэльским, посещала балы, вечера и театр. Для Франчески все это больше походило на сон.

И вот, также неожиданно, как они поженились, лорд Кэмден отплыл на корабле в Испанию и был убит. Будь у Франчески ребенок – она более стойко выдержала бы все испытания. Обладая сильным характером, она со временем перенесла бы потерю мужа, но, к несчастью, она узнала нечто иное... Именно тогда она превратилась в беззаботную Франческу, не слишком задумывающуюся о пристойности своего

поведения.

«Если мужчины больше предпочитают легкомысленных женщин своим женам, так тому и быть. У меня будет целая дюжина легких знакомств и я буду развлекаться так, как это делал Дэвид», – твердо решила Франческа, узнав о супружеской неверности мужа.

Миссис Дэнвер хорошо помнит тот день, когда Франческа узнала правду – ее драгоценный муж заводил знакомства с женщинами легкого поведения уже на второй месяц после женитьбы. Френ не знала этого, пока они были женаты, и даже спустя шесть месяцев после получения из Уайтхолла извещения о гибели Дэвида, не ведала об этом. Некая миссис Ритчи, выступающая в роли друга, сказала ей правду о Дэвиде:

– Бедная Франческа! Нам так не хватает твоего милого мужа! Он был душой всех наших собраний и вечеров. Дэвид рассказывал тебе когда-нибудь о дуэли из-за Синтии, очень хорошенькой актрисы на Друри Лэйн? Он околачивался возле ее артистического фойе, как щенок, ожидая, когда она появится и бросит ему кость. Разумеется, дуэль была затеяна не с целью убийства – в конце концов было бы нелепо умирать из-за проститутки! Но тогда он получил довольно серьезное ранение в плечо.

Франческа не вымолвила ни слова. Потрясенная, она смотрела во все глаза, будто солнце упало с небес. Миссис Дэнвер припоминает, что об этом плечевом ранении Дэвид

говорил, как об увечье, якобы полученном во время несчастного случая на охоте. Это было как раз в тот месяц, когда она приехала, чтобы пожить с ними. Дэвид был тогда «так занят» по вечерам в Уайтхолле, что захотел найти для Франчески какое-нибудь женское общество. Теперь-то и она, и Франческа прекрасно знали, что это была за работа!

Разве можно было осуждать девушку за то, что она любила немного покрасоваться в обществе – она была так безумно влюблена в Дэвида. Но когда ее глаза открылись на случившееся, она вскоре поняла, что актриса на Друри Лэйн была далеко не единственной его любовницей.

Франческа нашла ключ к запертому письменному столу и, открыв его, тщательнейшим образом просмотрела все бумаги мужа. Она нашла довольно много любовных писем и счета на драгоценности, которых никогда не получала. Не было смысла отрицать горькую правду – ее муж был безнравственным человеком и самым настоящим распутником.

Почти месяц Франческа ходила как неживая, словно статуя, но постепенно гнев занял место отчаяния и печали. Она была молода. Жизнь продолжается. И она насладится тем, что оставлено для нее в этой жизни! Как только закончился траур, она пустилась в такое веселое времяпрепровождение, что, пожалуй, это стало угрожать не только ее репутации, но и здоровью. Френки Дэвлин могла появиться в вызывающем наряде в любом обществе и ее веселье могло быть самым неистовым. Она стала презирать свой титул и хоте-

ла, чтобы друзья называли ее просто Френки. То, чего она тогда хотела, по мнению миссис Дэнвер, больше всего, так это быть мужчиной, чтобы в полной мере обладать той свободой, которой они обладают. Франческа старалась приобрести поверхностный блеск, особенно в одежде, за которым она смогла бы спрятать внутреннюю боль. В последнее время в разряд ее легких знакомств попал майор Стэнби, герой войны.

– И как же он выглядит? – допытывалась миссис Дэнвер, когда майор стал фаворитом Франчески.

– Ужасно красив, тетушка. Когда он входит куда-нибудь в своей ярко-красной полковой форме, все глазают на него. Клянусь тебе, все женщины влюблены в него.

– Я не имею в виду его внешность, Френ. Что он вообще за человек?

Франческа беззаботно подернула плечами – это ее движение тетушка начинала почти ненавидеть.

– Мужчины не заслуживают большого внимания. Он красив, забавен, без особых притязаний – этого вполне достаточно.

Последняя фраза была брошена как бы невзначай. Она означала, что майор не настаивал на полных привилегиях любовника. Насколько было известно миссис Дэнвер, Франческа еще не пала так низко, чтобы иметь интимные отношения со своими поклонниками, но это могло произойти рано или поздно, если она будет продолжать вести себя так сво-

бодно. Единственной поддержкой и утешением миссис Дэнвер во всех этих тревогах был Селби Кейн. Он знал Франческу с колыбели и всячески старался оберегать ее.

В тот вечер, как обычно, он зашел в девять, и миссис Дэнвер встретила его в голубом салоне. Это была небольшая комната, причем не самая изысканная. Отец лорда Кэмдена, лорд Мондли владел небольшим домом на Хаф Мун Стрит и предоставил его Кэмдену и его невесте, когда те приехали в Лондон. Мондли предполагал, что Франческа переедет к нему в особняк на Беркли Сквер после отъезда Дэвида в Испанию, но поскольку эта поездка должна была продлиться всего три месяца, Франческа предпочла остаться в своем доме. А сейчас, ведя такой образ жизни, она тем более ни за что бы не переехала к лорду и леди Мондли.

Они бы устроили ей скандал, по сути дела он уже начал разгораться. Отношения поддерживались лишь ежемесячными визитами лорда Мондли на Хаф Мун Стрит.

Состояние жены лорда Мондли резко ухудшилось после известия о смерти Дэвида. Она не выходила из дома и никого не принимала у себя.

Мистер Кейн, войдя, как обычно, поклонился. Это был скромный сельский джентльмен среднего роста, шатен, с суровым, строгим лицом и мрачным выражением глаз. В тридцать семь лет он все еще был холостяком. К Франческе он не испытывал никакого романтического интереса. Скорее он был для нее братом. Франческа и Мэри Трэверс, его сестра,

были близкими подругами еще в Суррее, они были подружками невесты на свадьбах друг у друга и все еще переписывались, хотя партия Мэри была не такой выгодной, как у подруги.

– Ну, как она сегодня? – сурово спросил мистер Кейн. У него была отвратительная привычка, способная вывести из себя любого – стоять во время всех своих визитов, монотонно раскачиваясь, как тростник на ветру, взад-вперед, по мере того, как он начинал о чем-либо говорить.

– Да сядьте же, наконец, мистер Кейн! Игнорируя это замечание, он продолжал раскачиваться.

– Кажется, она чувствует себя, как обычно. Собирается хорошо провести время, но, видимо, не надеется получить от этого удовольствия.

– В том обществе, где она вращается, нельзя получить удовольствие. Она сказала Вам, куда идет?

– Возможно, в Пантеон – она взяла домино. Мистер Кейн, тяжело вздохнув, начал раскачиваться.

Эта его манера всегда напоминала миссис Дэнвер об одном морском путешествии, во время которого она испытывала приступы морской болезни. И теперь, глядя на него, она чувствовала в себе отзвук той тошноты.

– Вновь с майором Стэнби? Дама кивнула.

– Она едва ли могла найти худшую компанию – солдат в отпуске, собирающийся хорошо провести время. Что, кроме вреда, может принести ей эта встреча?! А Пантеон – это

просто притон самых беспутных развратников всего Лондона – и Френ собирается идти туда с солдатом, отпущенным в отпуск!

– Кажется, Стэнби довольно порядочный парень. Конечно, очень молод... но безумно влюблен в Френ.

– Сомневаюсь, чтобы он думал о женитьбе. Если к тому же у него нет какой-нибудь черноглазой женушки, ожидающей его в Испании, более чем уверен.

Из– за нервозности его покачивание возрастало.

– Я не думаю о нем так скверно, но в любом случае, Френ и не думает о замужестве.

Мистер Кейн обреченно вздохнул.

– А почему она должна стремиться к замужеству после всего того, что пережила? Самое лучшее в ее встрече с офицером, это то, что он скоро покидает Лондон? И кого только она подцепит следующего?! Боюсь, что в конце концов мы увидим ее покинутой всеми поклонниками, с полным домом детишек и отсутствием денег для их воспитания. Она может вернуться домой в Уайт Оукс?

Миссис Дэнвер попыталась проигнорировать его мрачные прогнозы.

– Сомневаюсь. По-видимому, она намерена сама устроить свою судьбу и не хочет своим возвращением домой поставить семью в неловкое положение.

– Когда сезон будет окончен, Френ все-таки вынуждена будет подумать о дальнейшей жизни, хотя, разумеется, жен-

щине, привыкшей к значным местам Лондона, будет непростое вновь вернуться домой, да еще в Уайт Оукс! – и снова жить под пятой отца. Ее родители живут обычной, уединенной жизнью, а Френ от нее уже отвыкла. Уж и не знаю, миссис Дэнвер, что с нею будет!

– Меня тоже тревожит это, – ответила леди мрачным тоном. Она машинально следила за раскачиванием мистера Кейна и вновь предложила ему присесть.

– Я должен идти с ней и в случае необходимости предотвратить какие-либо серьезные неприятности. Вы сказали – Пантеон?

– Что-то вроде этого. Вам лучше знать, чем мне, мистер Кейн.

– Мне абсолютно все понятно, – сказал он обреченным голосом. Мистер Кейн ушел, а миссис Дэнвер, пытаясь хоть на некоторое время забыть об ужасной судьбе, ожидавшей племянницу, поднялась в свою комнату и стала читать роман. Мистер Кейн был так добр и всегда готов придти на помощь, что миссис Дэнвер почувствовала себя виноватой в том, что не любила его.

Экипаж майора Стэнби остановился напротив здания, построенного в классическом стиле, на южной стороне Оксфорд Стрит. Леди Кэмден надела голубое домино и вошла в Пантеон, гордо держа майора под руку. Помещение поражало взгляд своей роскошью. Канделябры отбрасывали цветные блики на позолоченный интерьер и разноцветные до-

мино внизу, в зале. Оттуда, где танцевали пары, доносилась музыка. Друзья приветствовали их, а совершенно незнакомые люди нежно поглядывали на красивую пару – офицера в красной полковой форме и элегантную леди в голубом.

Франческа отбросила все свои давние опасения, мучительно терзавшие ее воспитанную в духе благопристойности души, и попыталась убедить себя в том, что она счастлива. Будет просто божественно повальсировать с Арнольдом! Все будут смотреть на них. После нескольких бокалов вина она сбросит с себя это чертово домино и будет восхитительна.

Майор проводил ее к столику в уединенном уголке и заказал шампанского. Свет свечей мерцал на его полумаске, на губах, подпрыгивая вслед за улыбкой, обнажающей белые зубы. «За нас!» – сказал он и дотронулся до бокал своим. Она жадно стала пить, опустошив бокал и подавая его майору, чтобы наполнить вновь.

– Ну, Френки, не заставляй меня напиваться, – игриво сказал он. – Ночь только началась, и до того, как она кончится, мне хотелось бы спросить тебя о чем-то важном.

Стэнби наполнил ее бокал и Френ стала пить уже медленно, маленькими глотками. «Он собирается просить меня выйти за него замуж», – подумала она. Боже мой! Она боялась этого. Арнольд был прекрасный мужчина и Френ не хотелось причинять ему боль.

– Давай потанцуем! – беззаботно сказала она, стараясь быть веселой.

– Да, но прежде чем мы пойдем танцевать... – он протянул руки через стол и дотронулся до ее рук. Она торопливо отдернула их, хватаясь за бокал, как за спасение. Приподняв его, стала пить.

– Не говори ни о чем серьезном, Арнольд, – сказала она мягко. – Давай просто насладимся нашими последними совместными вечерами.

– Но я уезжаю послезавтра!

– Я знаю. Я буду скучать по тебе. Мы ведь хорошо проводили время, не так ли? Надеюсь, наша дружба была тебе приятна?

– Дружба! – воскликнул он с удивлением.

– Давай потанцуем, – повторила она и поднялась. Стэнби надеялся, что вальс смягчит нрав его партнерши, чего не сделало шампанское. Он привлек ее к себе и стал кружить в вальсе среди незнакомых пар, танцующих в масках и домино. Почувствовав прильнувшие к ее лбу теплые губы, Франческа ощутила что-то, похожее на раздражение. Она отпрянула назад, но он вскоре вновь крепко прижал ее к себе. Музыка смолкла и они вернулись к своему столику. Краем глаза она заметила Селби Кейна, своего ангела-хранителя, и с облегчением вздохнула. Если случится что-то плохое – по крайней мере, домой она доберется в безопасности. Она кивнула, Кейн с суровым видом ответил ей кивком головы, но не подошел. Конечно, странно, но у него всегда был такой вид, словно он на похоронах. Даже в этом шумном месте он

был как будто на похоронах.

Леди Кэмден не заметила высокого мужчину, стоявшего в тени возле Селби и наблюдавшего за ней, да она и не узнала бы лорда Дивэйна. Дивэйн не вращался в том кругу беспутных молодых людей, к которому относился ее муж. Он занимал довольно высокое положение в обществе, что, впрочем, не мешало ему посещать такие притоны, как Пантеон. На лице его играла сардоническая, что-то предвещавшая улыбка, он почти собрался уходить, но все еще медлил. Леди в голубом домино показалась довольно интересно. Новое приключение на этот сезон. Дивэйн приблизился к столу, за которым сидели майор и Франческа.

Тем временем майор не захотел откладывать начатый до вальса разговор.

– Дорогая, я должен поговорить с тобой, – начал он голосом, говорящим о его глубоком чувстве к Франческе.

– Я не хочу слушать это, Арнольд.

– Но в конце концов, мы были вместе, ты позволяла страстно целовать тебя. – Ему трудно было поверить в ее отказ и голос не мог скрыть сильного волнения.

– Несколько поцелуев не значат, что я хочу выйти за тебя замуж. Я намного старше тебя, тем более уже была замужем. Твоя семья будет презирать меня.

– Нет необходимости говорить им обо всем, пока мы не поженимся, – настаивал майор. – Мы можем получить специальное разрешение и пожениться до того, как я уеду.

Франческа допустила ошибку, пытаясь убедить ослепленного от любви мужчину в необходимости разумных поступков.

– Какой в этом смысл? Всего на один день? Ты можешь быть занят на службе несколько лет, и где я буду жить все это время, пока тебя не будет рядом, Арнольд?

– Ну, с мамой и отцом в Йоркшире. Когда мы будем женаты, им придется принять тебя. Ты поживешь там всего несколько лет.

Она сказала тоном, говорящим об усталости от жизни и делающим весь этот разговор бесполезным:

– В Йоркшире? Но, мой дорогой, какой же жизнью живут там люди, так далеко от Лондона?

– Ну, почему же, мы бываем во многих семействах.

– Во многих семействах! Боже мой, как ты настойчив! Стэнби почувствовал, как кровь внезапно прилила к лицу.

– Конечно, это не то, к чему ты привыкла, но...

– Совсем не то, к чему я привыкла и не то, к чему собираюсь привыкать. Если бы ты любил меня, то не стал бы просить отказаться от всех друзей и удовольствий и удалиться в деревню на долгие годы, в одиночество, в семью, которая не будет ко мне благосклонна.

– Зачем же ты давала мне надежду? – не отказываясь от своих намерений и становясь угрюмым, настаивал Стэнби.

Она оглянулась и заметила, что Селби все еще болтался возле двери, ожидая ее. Лучше порвать с этой дружбой пря-

мо сейчас. В конце концов, быстрый разрыв будет менее болезненным.

– Мне просто было хорошо и весело с тобой. Но ты слишком быстро становишься страшным занудой, поэтому я ухожу.

После этих отрывисто резких слов она поднялась, взяла сумочку и собралась уходить.

Майор Стэнби был в двух шагах от нее. Легкое опьянение и разочарование ввели его в полное замешательство, он едва понимал, что говорит. Он знал только, что самая замечательная женщина в мире отвергла его после того, как в течение трех недель давала надежду на нечто большее. Как безответственно она поступала! Стэнби схватил ее за локоть и резко развернул к себе: «Френки, не уходи так!».

Она почувствовала в его голосе боль, и хотя на сердце было тяжело, – успокаивать его – значило лишь усилить эту боль. Стэнби – мужчина. Он не будет переживать слишком долго.

– Отпусти мою руку! – сказала она холодно, пытаясь выдернуть руку из тисков. Тогда он схватил ее за оба запястья.

Неожиданно из полумрака появилась темная фигура, и, прежде чем майор осознал, что происходит, этот некто отдернул его руку, державшую Франческу за локоть и довольно жестоко вывернул ее:

– Леди сказала «нет», – холодно заметил лорд Дивэйн. – Вы, джентльмен, сэр, или только офицер?

Франческа развернулась посмотреть на своего спасителя.

– Пожалуйста, будьте осторожны! У майора ранено плечо...

Дивэйн сразу же отпустил руку майора, бросив при этом на него угрожающий взгляд.

– Думаю, Вы не заставите меня повредить Вам и другое плечо?

– Успокойся, Арнольд, – добавила Франческа. – Нет смысла дальше выяснять отношения. Мне жаль, что ты неправильно понял меня.

Юношеские губы майора скривились в презрительную усмешку.

– Как скажете, мадам. Но я должен дать Вам совет. Вы и дальше будете наталкиваться на недоразумения, если поведете себя со своими будущими поклонниками так же свободно, как и со мной.

При этом он подчеркнуто церемонно поклонился и ушел. Франческа видела, как он едва сдерживал слезы.

Друзья майора говорили ему, что леди Кэмден доставляет много хлопот, и они были правы. В какой-то мере он почувствовал облегчение оттого, что не женился помимо воли родителей. Что бы они делали с Френки Дэвлин? Но она всегда останется для него той девушкой, о которой можно будет вспоминать и рассказывать друзьям по возвращении на Пиренейский полуостров.

ГЛАВА 2

– Ну что, мне пойти за этим щенком и поучить его некоторым манерам? – спросил лорд Дивэйн голосом, в котором чувствовалась угроза.

– Нет, пусть он уходит.

Франческа подняла глаза, чтобы лучше рассмотреть своего спасителя. Она увидела голову четко очерченной формы с аккуратно подстриженными, очень черными волосами. Верхняя часть лица была скрыта под черной маской, оставлявшей открытыми лишь блестящие темные глаза, тонкие губы придавали лицу высокомерное выражение. Он был не молод: по смуглым щекам уже начинали разбегаться морщинки. Франческа узнала работу Вестона в его элегантном черном пиджаке, а замысловатый галстук с рубином говорил о тонком вкусе в выборе наряда. Он был высокого роста, атлетического телосложения, широк в плечах.

– Я так признательна Вам, сэр, – сказала она и повернулась, собираясь уходить.

Он невольно протянул руку, на мизинце которой было кольцо с изумрудом, чтобы задержать Франческу. Он твердо, почти жестоко сжал ее руку.

– Подождите минутку, чтобы он убрался. Он может ожидать Вас.

Его голос был хотя и тихий, но глубокий и весомый. Такой

голос не нужно повышать, чтобы добиться внимания. Кто бы это мог быть? Конечно он был прав – Арнольд мог ожидать ее на подходе. Он был способен на такие детские поступки. Про себя Франческа отметила, что ей следует переходить к поклонникам с более изысканными манерами. Такого рода мальчишки, как Стэнби, начинали ей надоедать.

– Я могу Вам предложить бокал шампанского, сэр' – Франческа указала на стол, где стояла начатая бутылка.

Шампанское или какое-либо другое вино не было той наградой, которую ожидал лорд Дивэйн. В любом случае он ни за что не станет допивать чьи-то остатки. Но он не спешил. Ему доставляли удовольствие предвкушения любви. Взмахом руки он заказал чистый стакан и новую бутылку вина.

– Я предпочитаю портвейн. А Вы будете пить шампанское, – сказал он, пододвигая ей стул.

Как только он сел, сразу же снял маску.

– Мне нечего скрывать. А Вам? – спросил он, намекая на то, что она должна последовать его примеру.

Франческа почувствовала, что ее открыто разглядывают пронзительные орлиные глаза. Взгляд был таким пристальным, что у нее по рукам пробежали мурашки. Размах черных бровей придавал ее спасителю угрожающий вид. Она дотронулась до своей маски, но не сняла ее. Дивэйн бросил взгляд на ее левую руку и заметил отсутствие кольца. /Она перестала носить кольцо, когда узнала о неверности Дэвида/. Одиноким знатным дамам не приходят в подобные притоны.

Следовательно, она относится к женщинам легкого поведения и при этом чертовски хороша, судя по вишневым губкам. Ее подбородок был маленький и слегка заостренный. Ему очень хотелось заставить ее улыбнуться, чтобы посмотреть на зубы. Он обычно придавал большое значение тому, какие у девушки зубы. Гибкую фигуру и облегающее платье он заметил еще тогда, когда она танцевала.

– Ну?

– Мне не следовало приходить сюда, – нервно заговорила она. Его пронзительный взгляд загнал ее в угол.

– Я никому не скажу об этом, если Вы сами этого не делаете. Как Вас зовут?

После таких нескольких скандальных слов Арнольда, ей совсем не хотелось называть настоящее имя.

– Бидди, – сказала она, выхватив из далекого прошлого детское имя.

– Бидди. А фамилия?

– Вильсон. – Ее девичья фамилия все равно ни о чем ему не будет говорить. – А кому я обязана за свое спасение?

Он отметил ее правильную речь, хотя, возможно, немного напоминавшую речь людей, живущих в сельской местности. Наверное, она какая-нибудь малоизвестная актриса, мечтающая сыграть роль леди в Ковент Гарден.

– Дивэйн.

У нее перехватило дыхание. Это был знаменитый Дивэйн! Она знала это имя из журналов и слышала ранее разговоры о

нем. Дивэйн не был членом правительства, она смутно представляла себе, что он был известный либерал. Она знала об этом его титуле, но не могла припомнить, был ли он герцогом, или маркизом. А возможно, даже графом?

– Мой друг несколько импульсивно вел себя... – как бы извиняясь, сказала она.

– Женщине следует быть осторожнее в выборе друзей.

– Да.

Принесли чистый стакан и портвейн, и некоторое время они пили молча.

– Майор уезжает на Пиренейский полуостров через несколько дней, – сказала она, чтобы как-то прервать затянувшееся молчание.

– И ему захотелось захватить с собой несколько приятных воспоминаний? – заметил Дивэйн не без намека.

Ей не понравился его тон и сама тема разговора.

– Он хотел, чтобы я вышла за него замуж. Дивэйн усмехнулся.

– А кто же станет упрекать и осуждать его за это?! Драгуны всегда были известны своим отличным вкусом при выборе женщин. «После скольких бутылок вина этот идиот предложил ей пожениться, если он в самом деле сделал это?»

– Он очень молод... – сказала она и в свойственной ей манере подернула плечами. Дивэйн опустил глаза, уцепившись взглядом за место, где при этом движении чуть больше показалась ее грудь.

– Надеюсь, не моложе Вас. Вам не больше... – он заколебался. Трудно судить о возрасте, когда глаза скрыты под маской, но, безусловно, она была еще довольно молода. Ее подбородок был упругим и гладким.

– О, я очень стара, – сказала она и засмеялась. Ее голос отдавался в воздухе каким-то серебристым звоном. Она чувствовала себя так, как будто ей сто лет, но, следя за подвижными губами своего собеседника, поняла, что он был старше. Должно быть, ему лет тридцать. Женское самолюбие заставило ее подчеркнуть это.

– Возможно, я не могу сравниться с Вами, но уже многое повидала в этой жизни. Я вдова.

Он не обратил внимания на эти ее слова, поскольку она не носила кольца. Странно, что она признала то, что она старше, чем он мог подумать. Дивэйн настаивал на просьбе снять маску. Это был приказ, отданный в вежливой форме, и такая была сила его личности, что рука сама поднялась, чтобы выполнить его просьбу. Тем не менее она сдержала себя.

– Леди в моем положении не следует бывать в местах, подобных этому. Было глупо с моей стороны придти сюда.

– Все мы время от времени совершаем глупые поступки. Я сам сегодня вечером чувствую себя глупцом. Может быть, немного потанцуем?

– Мне действительно нужно идти.

– Вы не можете идти домой одна.

– У меня здесь есть друг. – Она обвела взглядом весь зал

и сразу же заметила Селби, стоявшего на своем посту и наблюдавшего за ней с мрачным выражением лица, будто говорившем о его дурных предчувствиях. Она помахала ему.

Дивэйн взглянула в ту сторону и заметил возле двери, где стоял Селби, двух женщин.

Ее вкрадчивое напоминание о друге было доказательство того, что это женщина легкого поведения. Теперь Дивэйн окончательно убедился в этом. Подобные женщины расхаживают по значным местам парами либо большими компаниями, если только их не сопровождает покровитель.

– Вы теперь понимаете, почему я отказался от Вашего предложения выпить шампанского? Я хотел, чтобы Вы оставались у меня в долгу. Женщина всегда расплачивается за свои долги. Я Вас спас, и Вы должны мне танец.

– Ну хорошо, только один, – сказала она, поднимаясь. Какой ужасный был этот вечер! Миссис Дэнвер будет рада ее раннему возвращению.

Звучал вальс. Вальсам в Пантеоне отводилось особое место, поскольку они позволяли покровителям женщин чувствовать себя более свободно. Танцующие были опьянены легкостью этого танца. Суховатые менуэт или котильон очень проигрывали вальсу.

Дивэйн вывел ее на площадку для танцующих, где шумные, постоянно сталкивающиеся пары беспощадно задевали их локтями, и то, что Дивэйн держал ее в танце довольно близко к себе, было похоже всего лишь на защиту настояще-

го джентльмена.

Но по мере приближения танца к концу его мысль о роли защитника совсем исчезла.

— Почему бы нам не пойти отсюда куда-нибудь, где мы бы смогли остаться одни? — сказал он прямо, почувствовав, как вся она сжалась.

— Я действительно должна идти! — вымолвила Франческа, уходя с танцевальной площадки. Она подошла к столику, чтобы взять сумочку. Дивэйн шел за ней.

— Вы плохо себя чувствуете? — Слишком быстро и жадно она пила шампанское, если только не была уже законченной алкоголичкой в самом начале своей «карьеры».

— Я должна идти! — повторила она.

— Что случилось? У Вас уже есть покровитель? — прямо спросил он.

И хотя она была знакома с этим словом, было неловко услышать его в свой адрес.

— Что Вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что Вы уже заангажированы?

— Нет, я же Вам говорила, что я — вдова.

— Тогда в чем же дело, миссис Вильсон? Мы поедем в какую-нибудь спокойную, частную гостиницу. Я знаю одно такое местечко на Челси Роуд.

Больше не приходилось сомневаться в его намерениях. Он принял ее за проститутку! Селби уже предупреждал ее о такой возможности, но она никогда не придавала его словам

значения. Она почувствовала острый стыд, но была слишком скромна, чтобы показать свое возмущение. А этот Дивэйн, однако, так настойчив. Придется хитрить, чтобы избавиться от него...

– Ну что ж, почему бы Вам тогда не подогнать свой экипаж, пока я немного припудрюсь, – сказала она, обольстительно улыбаясь. Ответом была улыбка, говорящая о полном триумфе.

– Через пять минут, у входа.

Дивэйн ушел, а Франческа кивком головы подозвала Селби, который тотчас же подошел к ней.

– Увези меня отсюда! Дивэйн пошел за экипажем. Он думает, что я поеду с ним.

– Он знает, кто ты?

– Нет.

– Хорошо. Идем со мной.

Мистер Кейн взял ее за руку и быстро повел вдоль стены зала, пока они не увидели коридор, ведущий в заднюю часть здания. Они вышли через запасную дверь и шли, пока не поймали подходящий экипаж. По дороге домой Селби не упустил возможности прочитать ей суровую лекцию. К тому же он был раздосадован вдвойне – придется возвращаться назад за фаэтоном, оставленным возле Пантеона.

– А что у тебя произошло с майором?

– Этот глупый мальчишка вбил себе в голову желание жениться на мне и ни за что не хотел слышать отказ. Дивэйн

помог выпроводить его, ну а затем вышло так, что мне пришлось избавляться от самого лорда. Но он наверняка не знает, кто я.

– Он не спрашивал твоего имени?

– Спрашивал, но я представилась как некая Бидди Вильсон. Как бы мне хотелось вновь стать Бидди Вильсон! – с раздражением сказала Франческа.

– Но ты уже не та девочка, моя дорогая, что была раньше. Ты – леди, и пора уже вести себя как подобает настоящей леди, вместо того, чтобы навлекать на себя подобные несчастья и вести себя, как беспутная девчонка. Сегодня ты имела дело с лордом Дивэйном.

– Да, он называл свое имя. Ну и что из того?

– Он слишком недоступен для тебя, Френ. С подобными людьми ты не можешь вести себя, как с молодыми поклонниками. С лордом шутки плохи. Это как раз то, о чем я тебя предупреждал в последнее время.

Франческа почувствовала, как румянец залил ее щеки. Она не рассказала Селби о предложении Дивэйна. Это бы усилило его гнев и затянуло нравоучения. По спине пробежал почти ощутимый холодок ужаса при воспоминании о холодных темных глазах Дивэйна, пристально рассматривающих ее.

– Он не имеет представления, кто я такая. Он не принадлежит к моему кругу. Я буду сторониться его, если встречу где-нибудь.

– Я бы очень советовал тебе поступать именно так. Твое вдовство не защитит тебя от такого человека, как Дивэйн. Я не думаю, что он станет волочиться за каждой девчонкой, но молоденькая вдовушка для подобных ему людей – возможность неплохо поразвлечься. Он вращается в кругу самых за-
ядлых кутил Лондона.

– Интересно, почему меня не представили ему, когда еще Дэвид вращался в этой компании? – съязвила Франческа. – Похоже, они одного поля ягоды. Как раз тот тип мужчин, который я презираю.

– Именно этот тип мужчин будет обращать на тебя внимание, если будешь вести себя подобным образом. Разве тебе не надоело заводить любовные интрижки и вести безнравственную жизнь, Френ? Это не принесет ничего, кроме горя. И если ты не собираешься уезжать домой в деревню, то, ради бога, найди себе приличного человека и выходи за него замуж.

– Тогда я буду связана по рукам и ногам, а он станет заводить любовные интрижки! Нет уж, спасибо!

– Ну, по крайней мере, сторонись лорда Дивэйна.

После таких нравоучений к Франческе обычно всегда возвращалось бодрое настроение.

– Знаешь, Селби, я не думаю, что уже пора возвращаться домой. Всего десять часов. Давай лучше поедem на какой-нибудь вечерний прием.

– Нет, я отвезу тебя домой, – возразил он.

На углу Бону Стрит и Пиккадили Франческа увидела экипаж своих друзей. Она дернула за шнурок и выскочила из кареты.

– Спасибо, мой ангел-хранитель. Не беспокойся, я буду с семейством Маккормикс.

Она послала ему воздушный поцелуй и побежала к ожидавшему экипажу. Селби глубоко и обреченно вздохнул. Ну, что же, по крайней мере, Маккормиксы были лучшей компанией, чем кто-либо из друзей. Он сам познакомил Френ с ними. Дружбя Селби знали о его заботе и помогали присматривать за леди Кэмден. Алфред Маккормикс оградит Франческу от нежелательных знакомств.

Селби попросил водителя отвезти его обратно к пантеону, чтобы забрать свой экипаж и поехать в Брукс Клаб, где провести остаток вечера за игрой в карты, если, конечно, найдутся желающие поиграть на небольшие суммы. Мистер Кейн не был человеком, безумно отдающимся азартной игре.

Франческа сбросила домино и маску и стала гостьей небольшого званного вечера, где встретила многих своих поклонников. Вечер прошел шумно, она смеялась и танцевала, к тому же выпила еще немного вина.

Подобные развлечения не привлекали лорда Дивэйна. Он подождал пять минут напротив Пантеона, и когда миссис Вильсон не вышла, зашел поискать ее. Он обошел весь зал, вернулся к своему столику. Пожалуй, он чувствовал не столько оскорбление, сколько любопытство от всей этой ис-

тории, но все же раздражение брало верх. Почему она встрети-
лась с ним? Он отвечал интересам самой легкомыслен-
ной женщины подобного поведения: его богатство удовле-
творило бы любые запросы, он был в известной степени даже
щедр, с довольно веселым характером. Конечно, не Адонис,
но никто бы не назвал его безобразным. За все свои много-
численные качества он требовал от любовниц хотя бы подо-
бия хороших манер, а миссис Вильсон, несомненно, ими об-
ладала. Конечно, он требовал и постоянства. Ведь никто не
станет покупать цыпленка, чтобы обеспечивать кого-то ом-
летами. Ведь взамен он бы предоставил дом, деньги на наря-
ды, наличные деньги и даже драгоценности.

Может быть, она ненормальная? Такого джентльмена как
лорд Дивэйн, еще никто не бросал, тем более в притоне, по-
добном Пантеону...

Через пару минут к нему подседа одна знакомая, давно не
спускавшая с Дивэйна глаз. Пег Клэнси была очень хороша,
но это была самая обычная проститутка из варьете, не пред-
ставлявшая интереса для Дивэйна. Он попросил ее поискать
миссис Вильсон в дамской комнате. Она умчалась и верну-
лась через минуту.

– Нет. Там ее нет.

– А ты когда-нибудь встречалась с миссис Вильсон? Это
новая дама в нашем городе.

– Не думаю, чтобы я ее знала...

– Она темноволосая, у нее правильная, хорошая речь...

– А, это та дама, с которой Вы танцевали вальс?

– Именно.

– Не хотите ли Вы сказать что она покорила Ваше сердце? – Пег громко захохотала. – Я ее совсем не знаю, но, видимо, она в неведении, кто Вы такой.

– Если тебе удастся узнать о ней что-нибудь, напиши вот по этому адресу, – сказал Дивэйн и передал ей карточку, сопроводив ее золотой монетой. – А когда я получу от тебя информацию, к этой монете прибавится другая.

– Да я не умею писать! Лучше Вам заехать завтра вечером, и я расскажу все, что удастся разузнать.

– Согласен.

Он ушел, а Пег подозвала кивком головы свою подружку Молли, чтобы допить вместе едва начатую бутылку портвейна.

– Ты ничего не знаешь о девчонке, назвавшейся миссис Вильсон? – спросила она.

– Ты имеешь в виду Гарриет Вильсон?

– Да нет же! Как будто Дивэйн не знает эту Вильсон! Та, которая его интересуется, моложе и очень хороша собой. По-спрашивай. Если удастся что-нибудь узнать о ней – нам кое-что перепадет.

Но к концу вечера о таинственной миссис Вильсон так и не удалось ничего узнать.

ГЛАВА 3

Наступил уик-энд, влекущий за собой и быстрое окончание увеселительного сезона. Франческа часто вспоминала о майоре Стэнби. Он на следующий день должен был уезжать в Испанию. Возможно, никогда не вернется назад живым, бедняга... Интересно, как долго он будет помнить ее?... Но в ее памяти также часто возникали и грубые, резкие очертания лица лорда Дивэйна, как она и не старалась забыть его. Ведь он был из того типа мужчин, которых она презирала. Единственная разница между ним и Дэвидом – Дивэйн и не старается скрывать какие-то стороны своего поведения, как, впрочем, скорее всего поступал и Дэвид, только в кругу своих низкопробных подружек. Интересно, женат ли Дивэйн? Если да, то Франческе было жаль его жену.

В понедельник днем она поехала прогуляться по парку с миссис Дэнвер. Там Франческа встретила друзей и они договорились о планах на вечер. Сначала посмотрят новую комедию на Друри Лейн, а затем заедут на бал к Листерсам. У Франчески в театре была своя ложа и там было оставлено одно свободное место. Поэтому, она пригласила Селби присоединиться к их компании, ведь он был так добр к ней! Правда, она боялась, что на банкете его сочтут за привидение.

Готовясь к вечеру, она думала о том, как произвести на всех благоприятное впечатление и привлечь к себе вни-

мание какого-нибудь нового поклонника. Она надела изумрудно-зеленое платье, подчеркивающее выразительность ее больших, широко поставленных глаз. Насыщенный цвет платья резко контрастировал с кремовостью шеи и рук. Платье плотно облегалo фигуру, подчеркивая красоту высокой груди. При каждом движении складки шелка издавали трогательный шелест.

— Если бы Дэвид оставил мне мои драгоценности, уезжая в Испанию... — сказала она миссис Дэнвер, заканчивая свой туалет. — А теперь мне остается везде носить только вот эту поношенную ниточку жемчуга.

Миссис Дэнвер знала, что речь идет о драгоценностях, записанных по наследству. Френ не упоминала о свадебном подарке Дэвида — бриллиантовых серьгах, браслете и броши. Она никогда не носила их и хранила в нижнем ящике. Может быть, поэтому она не вспомнила о них.

Жемчуг красиво поблескивал на ее шее, но это украшение едва ли можно было разглядеть издалека. Франческа взяла керамическую брошь и прицепила ее к ожерелью, словно подвеску.

Миссис Дэнвер покачала головой, осуждая эту затею. Безусловно, это выглядело странно, но могло ввести новую моду. Франческа была способна на фантазии и всякие причуды. Она, например, собственноручно возродила модную прическу времен Французской революции. Эта же самая брошка, висящая сейчас на ожерелье, две недели назад появлялась на

перчатках, и эта затея была подхвачена целой дюжиной глупых барышень. Или, например, она начинала вдруг носить кольца поверх перчаток. Миссис Дэнвер искоса посмотрела на коробочку с мушками, стоявшую на туалетном столике, в глубине души надеясь, что ее воспитанница все же не станет носить мушки.

– Драгоценности записаны на наследника, – напомнила миссис Дэнвер. – Они будут принадлежать брату Дэвида, когда он женится.

– Но Хортону всего семнадцать лет, поэтому не думаю, чтобы они понадобились ему раньше, чем лет через десять. Я бы попросила его отца дать мне их поносить, если бы он не был таким тупицей. – В течение этих слов Франческа извлекла из коробочки маленькую черную мушку и примерила ее на внешней стороне левого глаза.

– Френ, пожалуйста, не надо! Ты только делаешь из себя посмешище, – взмолилась миссис Дэнвер. – Это просто дурной тон – привлекать к себе внимание такими трюками.

– Тетушка, ты не видела мой веер?

Миссис Дэнвер пошла за веером, и не успела она отвернуться, как Франческа прикрепила мушку на внутренний изгиб груди, намереваясь пересадить ее на лицо позже. Она торопливо набросила длинную мантилью, чтобы спрятать от тети пресловутую штучку.

Миссис Дэнвер наслаждалась спокойным вечером, зная, что рядом с воспитанницей был мистер Кейн, который мог

причинить единственное страдание – скуку. Ничто не могло ей повредить и в театре – а они пробудут там большую часть вечера. Майор Стэнби уехал. Франческа понадобится несколько дней, чтобы найти новое любовное приключение, после чего опять начнется беспокойство. Если бы она только могла полюбить мистера Кейна! Но он, бедняжка, такой зануда и так любит эти утомительные нравоучения. Ему следовало бы стать епископом...

Франческа едва ли помнила о существовании Селби, приложив к глазам театральный бинокль и пристально разглядывая все ложи. Она совсем забыла пересадить куда-нибудь мушку с груди. Она заметила, что некоторые дамы пристально рассматривают ее новую подвеску к ожерелью и невольно улыбнулась, увидев, как мисс Дробишер сняла брошь с перчатки и прицепила ее к своим бриллиантам, где она смотрелась довольно ужасно. Мисс Дробишер была самая обычная овца. Она все еще носила брошь поверх перчатки, когда это уже две недели как вышло из моды. А некоторые из последовательниц леди Кэмден все еще носили кольца поверх перчаток.

Она не заметила лорда Дивэйна, сидящего в глубине ложи на противоположной стороне зала и наводившего на нее свой бинокль. Он же сразу узнал ее черные взъерошенные кудри и вызывающе открытые плечи. Осторожные расспросы в разных кварталах города не принесли ничего нового о миссис Вильсон. Некоторые интересовались, не имеет ли он

в виду Гарриет Вильсон? Было ли совпадением, что Бидди использовала это имя, или же это значило, что она собирается стать самой известной куртизанкой этого сезона? Если это была шутка, то ему она показалась блестящей. Сейчас ему импонировала ее беззаботность и особенно мушка на груди. Именно эта мушка говорила о беспечности ее характера. Он смог довольно хорошо рассмотреть ее молодую и упругую грудь. А не означала ли мушка на левой стороне, что она была либералкой?

Интересно – если девчонка умна, смела и достаточно честолюбива, чтобы изобрести свой неповторимый стиль, то маловероятно, что она не узнала его в тот вечер. Скорее всего, она схитрила, чтобы подогреть его пыл и интерес. И черт возьми, ей это удалось! Он повернул бинокль, рассматривая ее друзей. Опять этот неопределенного вида, с печальными глазами джентльмен. Не он ли стоял среди прочих девушек в тот вечер в Пантеоне и не ему ли махала миссис Вильсон? Какие у них отношения? Впрочем это неважно, она наверняка его скоро бросит. Ведь она не откажется от нарядов, от нового дома, от экипажа... Это были естественные желания любой женщины, а богатому графу они не принесут чрезмерного беспокойства.

Он довольно усмехнулся и, приподняв бинокль, стал разглядывать лицо миссис Вильсон, с восторгом обнаружив, что она была более прекрасна, чем он себе представлял. Выражение и цвет ее глаз трудно было различить издалека, но он

заметил, что они большие, широко посаженные и темные. Носик прямой, на самом кончике слегка опущен вниз. Сама она назвала себя «пожилой женщиной». Конечно, она не девочка, но едва ли ей было много лет. Двадцать четыре или двадцать пять. В своих похождениях он предпочитал иметь дело даже с более опытными женщинами.

Дивэйн пришел на спектакль вместе со своей сестрой, ее мужем и всем семейством Морганов. Если он покинет их сразу после спектакля, Мэри не обидится, а лорд Морган будет просто в восторге, если ему позволят сразу поехать домой и лечь спать. Он уже клевал носом. Дивэйн решил, что будет следовать за экипажем миссис Вильсон и проследит, где она живет. Не было смысла спрашивать Мэри о миссис Вильсон. Леди Морган едва ли даже слышала имя Гарриет Вильсон, самой пресловутой куртизанки со времен Нел Твитес. Мэри знала все светские сплетни, но женщины легкого поведения оставались за пределами ее интересов. И самым страшным обвинением, которое могло сорваться с ее уст, было «такой-то содержит женщину».

Пьеса казалась длинной и скучной. Во время антракта у Моргана была привычка выпить вина, а поскольку в ложу зашли их друзья, Дивэйн был вынужден остаться.

Франческа вышла в фойе выпить стакан вина и немного прогуляться. Она заметила мужские взгляды, бросаемые на ее грудь и вспомнила о мушке. Лидия Форсиз сделала ей по этому поводу комплимент и с ревностью заметила:

– Ты превзошла себя сегодня, Френки! Честно говоря, я не представляю, как тебе приходят в голову такие замечательные идеи. И где, интересно, можно купить такие мушки?

Вопрос говорил о намерении последовать подобной моде, поэтому Франческа решила оставить мушку на груди. Она даже и не думала искать в зале Дивэйна, поскольку совершенно забыла о нем.

Было довольно сложно проследить за экипажем миссис Вильсон в царящей после спектакля суматохе, но опытный кучер Дивэйна был в этом отношении просто волшебником. И когда экипаж леди повернул на Гросвенор Сквер, экипаж лорда был всего на расстоянии трех карет. Дивэйн нахмурился, заметив, что экипаж остановился напротив довольно respectable дома сэра Тилса и леди Листер. Естественно, эта крошка не достаточно смела, чтобы придти без приглашения в приличное общество! Видимо, в светское общество вхож сопровождающий ее повсюду шатен. Листерсы не были людьми, которых включают в круг друзей, но их ни в коем случае нельзя было назвать отбросами общества.

Дивэйн видел, как этот ничтожный шатен подал руку миссис Вильсон при выходе из экипажа. Выглядели они довольно respectable. К тому времени, как он вошел в зал, миссис Вильсон не только была представлена присутствующим, но уже и присоединилась к танцующим контрданс.

Она услышала, как назвали новое имя: «Лорд Дивэйн!» и закрутила головой по сторонам, высматривая его. Лорд сто-

ял, держась за железные перила, на самом верху невысокой лестницы, гордо обозревая зал, будто весь он принадлежал ему. Вид у него был гордый и высокомерный. Она быстро повернулась к нему спиной. От нервного напряжения пересохло во рту. Нет, он не может узнать ее! Ведь она не снимала маску в Пантеоне. Возможно, он найдет какое-то сходство, но когда услышит, как друзья называют ее Френки или леди Кэмден, поймет, что ошибся. А если он подойдет, она сделает вид, что не замечает его. Впрочем, о чем ей беспокоиться? Ведь это он вел себя возмутительно! И все-таки она чувствовала себя виноватой и возмущенной. И зачем он пришел сюда? Она не припомнит, чтобы он посещал вечера, на которых бывала она. Очевидно, они вращались в разных кругах. Он был один, без леди Дивэйн, если таковая существовала. Внезапно ее поразила ужасная мысль – он мог преследовать ее.

Начавшийся танец в какой-то степени отвлек ее от этих мыслей. Она хотела посмотреть, к кому из танцующих он присоединится, но не смогла найти его взглядом. Возможно, он был в гостиной, где играли в карты. Она бросила взгляд в сторону главного входа. Он вертелся именно там, откровенно и вызывающе разглядывая ее в бинокль. Весь в черном, он был похож на ястреба. Она поспешно отвела взгляд и старалась больше не смотреть в ту сторону. Но это оказалось сделать сложно. Она вновь поймала этот взгляд. Он пристально смотрел на нее, сардонически улыбаясь при этом. Больше

она на него не взглянет! Ведь он может принять эти взгляды за одобрение. Даже не глядя, она кожей чувствовала, что черный ястреб за все это время даже не шелохнулся. К концу танца, ее нервы были напряжены, словно струны. Она решилась последний раз мельком взглянуть на него и в то же мгновение облегченно вздохнула. Он ушел.

И вдруг... она увидела, как раздвигая толпу, он шел прямо к ней. Кровь застыла в жилах. Она повернулась к Селби, желая схватить его за руку, но он оказался несколько в стороне. Вся компания направилась в гостиную, где подавали закуски, а Франческа словно остолбенела. Дивэйн тем временем приближался. Оказавшись рядом, он учтиво поклонился.

– Добрый вечер, миссис Вильсон. Вот мы и встретились вновь.

Эти слова были похожи на вызов, а искорки в его глазах говорили именно о таком настрое. Едва ли имело смысл притворяться, но она все-таки приподняла подбородок и, почти не дыша, сказала голосом, не способным обмануть и ребенка.

– Прошу прощения. Вы говорите со мной, сэр?

Он усмехнулся и посмотрел вокруг – рядом с ними уже никого не было.

– Похоже на то, не правда ли? Конечно, для меня не лестно, что Вы так быстро забыли меня, миссис Вильсон. Буду иметь в виду, что у Вас плохая память. Вы к тому же забыли вернуться из дамской комнаты в тот вечер, когда я ждал Вас.

– Не понимаю, о чем Вы говорите. Никогда в жизни не была в Пантеоне.

Его улыбка перешла в ухмылку.

– Почему Вы тогда решили, что я говорю о Пантеоне? – спросил он. Она с раздражением вздохнула. – Ну, сударыня, после такого промаха уклоняться уже бесполезно. Все выяснилось. Вы есть Вы, а я есть я. Не стоит нагнетать страсти, но, думаю, Вы все же должны мне все объяснить.

– Не понимаю, о чем Вы говорите, – настаивала она, покраснев при этом.

– Позвольте Вам заметить, миссис Вильсон, что Вы жалкая лгунишка и Ваше объяснение никуда не годится. Но если Вы поддержите его вальсом со мной, так и быть, я его принимаю. – В свете канделябров сверкнул изумруд его перстня, когда он протянул ей руку. Он словно заключил ее руку в наручники. Франческа взглянула в его темные глаза, над которыми разлетались брови, придающие ему вид сатира.

«О господи! Да она испугалась меня!». Мгновение Дивэйн пристально смотрел ей в глаза, желая понять, не притворялась ли она. Но в ее напряженном бледном лице не было и тени ложной застенчивости и заигрывания. Его резкие черты моментально смягчились, он улыбнулся, а когда заговорил, голос был мягким. Она уже не слышала в его вкрадчивом голосе затаенной угрозы, в нем появилась теплота и нежность.

– Как Вы понимаете, я не кусаюсь. И меня считают неплот-

хим танцором. Всего один танец, и если Вас не очарует мое танцевальное мастерство, я отпущу Вас – правда, с большим нежеланием.

Он внимательно наблюдал за ней, глядя, как она прикусила нижнюю губку и затем в задумчивости выпрямила ее.

– Ну что же, хорошо, один танец, – сказала она, застенчиво улыбаясь.

– Если только Вас не разочарует работа моих ног, и в этом случае я буду надоедать Вам с просьбой подарить мне еще один вальс. Вы не должны судить обо мне по той перепалке в Пантеоне.

– А почему Вы решили, что это будет непременно вальс?

– Я это устроил.

– Вы же не отходили от той стены. Я видела, как мы рассматривали меня в свой бинокль. Не понимаю, зачем они только нужны мужчинам?...

– Для того, чтобы лучше видеть Вас, дорогая. Я послал в оркестр мальчика, дав ему полкроны. Как видите, я не жалею ни денег, ни усилий, если по-настоящему интересуюсь дамой.

Она взглянула на него украдкой и заметила, что Дивэйн косится на ее мушку. Как жаль, что она не убрала ее! Ей самой это вдруг показалось самой настоящей дешевкой. Дивэйн, однако, не был столь непреклонным, как она опасалась, и она решила, что простейший способ выйти из этой ситуации – подарить ему танец и превратить в шутку все произо-

шедшее тем вечером.

– Целые полкроны! Боже мой, это так безрассудно с Вашей стороны, лорд Дивэйн.

– О, Вы мне стоили намного дороже, а мы еще даже и не танцевали вальс. Признаюсь, что пытался разузнать, где могу найти Вас.

– Очень лестно. Вы заставляете меня чувствовать себя предательницей.

– Вы слишком строги к себе. Я бы назвал Вас дезертиром.

– А леди Дивэйн известно, как расточительно Вы ведете себя с другими дамами? – В ее словах почувствовался легкий холодок, как это всегда бывало при напоминании о Дэвиде.

– Несомненно, она хмурится, глядя на меня сверху. Франческа взглянула на верхнюю площадку, где собирались вновь прибывшие.

– Нет, выше, – сказал он. – Я имел в виду, может быть, это не самое удобное время говорить об этом, но моей мамы уже нет в живых. Но Вы, по-видимому, спрашивали – женат ли я? Я не женат.

То, что он был холост, слегка растопило лед в ее душе. Заиграла музыка, он подхватил ее в объятия, начиная танец. В столь приличном месте он держался с ней очень почтительно, на расстоянии целого дюйма. Он не хвастал по поводу своего умения танцевать. Двигался он очень легко и грациозно, умудряясь при этом болтать.

– Вы давно уже в Лондоне, миссис Вильсон?

– Уже три года, но это только мой второй сезон. В прошлом году я носила траур по мужу. Он был убит на Пиренейском полуострове.

Дивэйн расценил это как доверие к нему. Странно, что она не носила кольца, но она могла быть замужем за офицером. Молодые джентльмены, собирающиеся покинуть страну, часто женились бездумно, а их женам, носящим тонкий покров респектабельности позволялось делать *i* обществе что угодно. И, будучи такими хорошенькими, как миссис Вильсон, они могли войти во вкус. Для них желательно было выйти удачно второй раз замуж, чтобы улучшить социальное положение. То, что миссис Вильсон поинтересовалась, холостяк ли он, наводило на мысль об этом, а ее пребывание в Пантеоне говорило о том, что, с другой стороны, она не связывала себя серьезными любовными связями, если вообще интересовалась этим.

– Странно, что мы с Вами раньше не встречались, – сказал он.

– Наверное, мы посещали разные вечера. Тем не менее я слышала о Вас.

– Надеюсь, ничего плохого?

– В основном, все из области политики. Вы, я слышала, либерал?

– Так и есть, а Ваша мушка говорит мне о том, что у нас есть нечто общее.

Она почувствовала себя неловко при упоминании о муш-

ке и постаралась переменить тему.

– Да нет, это просто такая мода. Дэвид, мой муж, и его семья принадлежит к партии Тори. А мой отец вовсе не интересуется политикой. Он фермер. – Поскольку лорд Дивэйн вел себя, как настоящий джентльмен, она решила, что должна пояснить, почему в тот вечер назвалась Бидди Вильсон.

Он наклонил голову и вновь посмотрел на нее с обезоруживающей улыбкой.

– И каков же я зануда, что обсуждаю политические дела с дамой да еще во время вальса.

– Думаю, Вы лицемерите, извиняясь передо мной. Ведь я первая начала говорить на эту тему.

– Я слышал о лицемерных комплиментах, но никогда не слышал о лицемерных извинениях. Вы думали, что я браню Вас, скрываясь при этом за извинениями. Нет слов, виноват.

– Вы уже дважды сказали мне то, о чем я думала. Вы что, читаете мысли, лорд Дивэйн?

Он взглянул ей прямо в глаза и заискивающе улыбнулся.

– Я называю это интерпретацией женского языка. Для многих мужчин этот язык совершенно незнаком. Я же им несколько владею. Например, если дама говорит «Я смешно выгляжу», это означает «Я приложила к своему туалету немало усилий и хочу, чтобы мне сделали комплимент». А если она, к примеру, горестно восклицает «Как рано ты пришел!» – значит «Я опоздала».

– А если это сказано не горестно?

– Ну, тогда это значит, что дама рада Вас видеть.

– Говорят, что в переводе всегда что-то теряется, – сказала она, посмеиваясь.

– Вы должны поступать так почаще, миссис Вильсон. Я имею в виду – улыбаться. У Вас восхитительная улыбка. «Ты не похожа на женщину, предназначенную только для удовольствия», – отметил он про себя. Да, очень приятная улыбка.

– А вот Вам еще кое-что, требующее перевода. Я не та, за кого Вы меня принимаете.

– Не миссис, или не Вильсон?

– Ни то и ни другое, – задумчиво проговорила она. Вальс подходил к концу. – И я оставляю Вас с этой головоломкой, чтобы Вам было что интерпретировать.

Дивэйн поклонился, все еще держа ее за руку.

– Не беспокойтесь, я не собираюсь забывать Вас, Бидди. Она улыбнулась и сделала реверанс.

– Спасибо за приятный танец, лорд Дивэйн.

– Вам действительно было приятно танцевать со мной?

– Вы можете также перевести на свой язык и это, – подразнила она его и, освободив руку, повернулась, собираясь уходить.

Дивэйн последовал за ней с танцевальной площадки.

– Я расцениваю это как то, что мое танцевальное мастерство очаровало Вас. А наша сделка состояла в том, что, если это случится, Вы подарите мне еще один танец.

– Я не это имела в виду. Вам еще следует подучиться переводу с женского языка. Извините, – слегка махнув кончиками пальцев, она поспешно ушла.

Леди Листер была несомненно польщена тем, что известный лорд Дивэйн почтил своим присутствием ее бал. Сразу же после ухода Франчески она метнулась к нему, подхватив под руку, повела по залу.

– Я вижу, Вы познакомились с леди Кэмден? – сказала она. – Очаровательная девушка!

Дивэйн был моментально шокирован: «Леди Кэмден?!»

– Да, вдова лорда Кэмдена, сына старого Мондли. Ее муж был убит на Пиренейском полуострове. Он был не совсем военным человеком. Его послали туда с каким-то правительственным поручением, там и настигла его руля. Франческа тяжело перенесла это, но в этом году она удивительным образом ожила.

Возможно ли, чтобы леди Листер ошибалась?

– Мне показалось, она упомянула имя Вильсон...

– Вильсон она была до замужества. Вильсон из Суррея, дочь сэра Грегори. А ее мама принадлежит к семейству Беофорт. Дэвид был замечательный партией для нее. Она такая хорошенькая. Идемте, я должна познакомить Вас с супругами Ландрис.

Она повела его дальше и, пока он кланялся, улыбался и болтал о чем-то с гостями понял, что Бидди была леди и действительно вдова. Единственного он не мог понять – что де-

лала респектабельная, благородная молодая вдова в Пантеоне? В девчонке несомненно была какая-то чертова жилка, иначе такой кутила и развратник, каким был молодой барон Кэмден, никогда не обратил бы на нее внимания. И то, что она носила мушку в таком месте, было тоже легкомысленно. Леди в ее положении следует вести себя более осмотрительно. Что же, он должен изменить тактику и вести себя утонченнее, нежели предполагал ранее, и более осторожно. Она должна будет присоединиться к его компании, или ему придется присоединяться к ней. Обычно протекцию подобным его любовным связям составляли вечера в больших, знаменитых домах, хозяйки которых с пониманием относились к такого рода приключениям. В ближайшее время он уже приглашен на два или три таких вечера.

Покинув Дивэйна, Франческа поспешила в гостиную, где подавали закуски. Там она нашла Селби.

– Что еще говорил тебе Дивэйн? – обеспокоенно спросил он.

– Он узнал тебя?

– Да, но я сумела отделаться от него. Не думаю, что стоит опасаться каких-либо неприятностей с его стороны. Он показался довольно приятным при близком знакомстве.

Мистер Кейн предположил, что Дивэйн узнал ее настоящее имя и извинился за свое поведение в Пантеоне. Он видел, как тот пригласил ее на следующий танец и благополучно проводил после этого. Дивэйн не спускал с нее глаз, но

так и не подошел больше. Было очень важно, чтобы никто из светской публики сейчас не заподозрил возникших между ними отношений. Репутация дамы должна оставаться незапятнанной, особенно в амурных делах.

Но тем не менее, увидев ее выходящей из танцевальной гостиной. Дивэйн отправился следом и встал на ее пути уже у выхода.

– Надеюсь, Вы еще не уходите, леди Кэмден?

– А, так Вы уже все разузнали? – сказала она, засмеявшись.

– Не понимаю, зачем Вам понадобилось скрывать такое respectable имя?

– Ну, просто потому, что я тогда попала в скандальную ситуацию.

– Ну, хорошо. Тогда возникает вопрос – что Вы там делали? Что, просто устроили себе бурный веселенький вечер?

Она устало вздохнула.

– Ну, иногда все эти сухие светские развлечения так надоедают...

Он кивнул в знак согласия.

– В этот уик-энд я приглашен на неофициальный вечер в дом герцога Тависток в его поместье в Кенте. Может, Вы присоединитесь ко мне?

Она выглядела встревоженной, даже пожалуй, испуганной.

– О, нет! Я ведь даже не знаю его.

– Но Вы знаете меня.

Дивэйн, казалось, раздваивался на двух совершенно разных людей. Один из них был высокомерным хищником, познакомившимся с ней в Пантеоне, а другой – вежливый лорд, с которым она встретилась этим вечером. Мужчина, разговаривавший с ней сейчас, был высокомерным хищником. Его взгляд так и соскальзывал на ее грудь. А, эта проклятая мушка! Она приподняла руку, чтобы немного прикрыть лиф платья.

– Я, к сожалению, занята в этот уик-энд.

– Тогда, может, в следующий уик-энд, в доме леди Джерси?

Она не сочла нужным даже притвориться вежливой.

– Нет! – твердо сказала, она. – Нет, благодарю Вас, – несколько изменив тон, повторила Франческа, увидев его сердитый взгляд. – Я... Я не люблю посещать такие вечера.

– Какие же развлечения Вы предпочитаете, леди Кэмден? Я мог бы предложить Вам и другие загородные прогулки.

– Не стоит, – сердито сказала она и стала подниматься по лестнице.

Дивэйн проводил ее взглядом, оставаясь на месте. Вид у него был задумчивый и хмурый. Возможно, он ошибся в отношении леди Кэмден, и ее не так-то легко соблазнить. Видимо, так. А он не любил навязываться там, где не был желаем.

Но когда он в тот вечер вернулся домой, ему вновь при-

помнились ее сердитые ответы на все его предложения. И если она не была заинтересована в любовном приключении, но возможность заполучить чрезвычайно подходящего лорда в качестве мужа наверняка должна была ее заинтересовать. Его попытки завязать с ней дружбу были честными и благопристойными. У нее не было оснований думать иначе. Пантеон, допустим, был оплошностью, но она здесь была так же виновата, как и он. А этим вечером он вел себя прилично. Почему же тогда она пренебрегла его вниманием? Этого, черт возьми, было достаточно, чтобы заставить мужчину задуматься – не теряет ли он свою хватку?

ГЛАВА 4

Следующим утром леди Кэмден ожидал крайне неприятный сюрприз. Он был настолько впечатляющ что начисто выбил из ее головы все воспоминания о лорде Дивэйне.

В то утро ее посетителем был лорд Мондли, обычно заходивший раз в месяц засвидетельствовать свое почтение. Это был крайне аскетичный джентльмен, так сильно во всем непохожий со своим беспутным сыном, что было трудно поверить в существование какого-либо родства между ними. Он был высокого роста, худой, с седыми волосами, зачесанными с высокого лба назад. Во время своего прошлого визита он расспрашивал Франческу о записанных на Давида по праву наследования драгоценностях, которые он давал ей. Тогда она пояснила, что Дэвид хранил эти драгоценности у себя и не отдал их ей, уезжая в Испанию. Они тогда договорились, что лорд Мондли зайдет в банк и проверит личный счет Дэвида, чтобы узнать, не положил ли он драгоценности на сохранение в банк.

Больше Франческа об этом ничего не слышала и предполагала, что драгоценности были в сохранности.

Однако оказалось, что лорд Мондли обнаружил пропажу самой ценной вещи из всей коллекции – бриллиантового ожерелья.

– Я не видела его с тех пор, как Дэвид уехал, – сказала она.

– Да и надевала я его всего два раза – когда меня представляли при дворе и на балу, который устраивала леди Мондли перед отъездом Дэвида.

– Да, я помню, что ожерелье было на Вас в тот вечер, – согласился Мондли. – Может быть. Вы просмотрите еще раз все свои вещи – нет ли его где-нибудь?

– Но это было так давно, лорд Мондли! Если бы ожерелье было у меня, я бы его уже обнаружила. Тем более, я прекрасно помню, как Дэвид взял его у меня сразу же после бала и положил в свою шкатулку вместе с другими драгоценностями. Честно говоря, я думала, что он отдал шкатулку Вам до того, как уехал. Он еще спросил меня, не хочу ли я оставить себе что-нибудь поносить, пока его не будет, но сезон уже заканчивался, как Вы помните, и, тем более, все мы думали, что он месяца через три вернется. Я храню у себя только кольцо, брошь и серьги, которые он подарил мне на свадьбу, они не были записаны в завещании.

– Но тем не менее, бриллиантового ожерелья нет в шкатулке. Что же могло с ним произойти? – с подозрительностью выпрашивал он. А его пронзительные голубые глаза почти говорили, что это она украла ожерелье.

Франческа даже побагровела от гнева и резко сказала:

– Не имею ни малейшего представления. У меня нет Вашего ожерелья. Я даже не видела его с тех пор, как лично в руку отдала Дэвиду в тот вечер, когда состоялся прощальный бал.

– После этого до его отъезда в Испанию прошло еще два дня. Вы уверены, что он не давал Вам ожерелье снова?

– Абсолютно уверена. В этом не было необходимости. В те два вечера мы никуда не выходили. У Дэвида были встречи в Уайтхолле в первый из вечеров, а что касается второго – в тот день Вы с леди Мондли обедали у нас. Ни в первом, ни во втором случае я не надевала ожерелья.

– Меня все это очень беспокоит, – сказал он, потирая сухой бледной рукой подбородок. – Я все-таки настаиваю, чтобы Вы тщательно просмотрели все свои вещи и вещи Дэвида.

– Личные вещи Дэвида я отдала Хортону. Кое-что из одежды. Но прежде, чем отдавать, я все внимательно просматривала.

– И кому Вы отдали его вещи? – лорд Мондли не прекращал мучительный допрос.

– Кузену Дэвида, Джорджу Девлину, – резко ответила Франческа. В то время ей показалось довольно отвратительным желание Джорджа взять себе, пусть и элегантную, но одежду человека, которого уже не было в живых.

– Нам надо осмотреть все, что только возможно – его комнату, письменный стол, верхние этажи дома. Ведь должно же ожерелье где-то быть, если его нет с остальными драгоценностями! После обеда я пришлю к Вам своего человека для помощи в поисках.

– Не стоит. Мой слуга все внимательно просмотрит, – холодно ответила она.

Но вскоре после ухода лорда Мондли прибыл его камердинер с указанием осмотреть все комнаты и шкафы лорда Кэмдена. Франческа вспыхнула от возмущения, но миссис Дэнвер решила, что если они запретят сделать это, может показаться, будто они действительно что-то спрятали, поэтому камердинера лорда Мондли проводили в комнату Дэвида, затем на верхние этажи дома, где он мог рыться, сколько угодно.

В этот день леди никуда не выходили. Они провели несколько часов в совершенно бесполезном обшаривании всех своих пожитков. Позднее, за чаем, они сели рядом, прижавшись друг к другу и обсуждая досадный инцидент.

– Вероятно, он отдал ожерелье одной из своих любовниц, – с горечью сказала Франческа. – Больше с ожерельем ничего не могло произойти. В тот вечер, накануне отъезда, он сказал, что был в Уайтхолле, но сомневаюсь, чтобы он мог быть там до трех ночи. А именно в три он приехал домой. А я, такая наивная, помню, ждала его, жалела его...

– Этот неожиданный инцидент вдруг поднял на поверхность затаенную старую боль.

– И кто была та женщина? – спросила миссис Дэнвер.

– Если я правильно поняла, накануне, за месяц до отъезда, он порвал отношения с миссис Ритчи. Я нашла записку в одном из жакетов, которые он надевал в то время. Записка была подписана «Рита».

– В ней ничего не говорилось об ожерелье?

– Нет. – Она тотчас же покраснела, вспомнив содержание записки. «Моя восхитительная, моя дорогая – прошлой ночью ты была изумительна...» Затем записка носила такой интимный характер, что Франческа едва могла поверить своим глазам, читая ее.

– Я уверена, что он не был совершенным дураком, чтобы дарить фамильные драгоценности проститутке, – сделала вывод миссис Дэнвер.

– Но ведь он мог дать ожерелье для временного пользования. Не мог же он знать, что ему никогда не суждено будет вернуться назад.

– Если дела обстоят так, как ты предполагаешь, кто-нибудь должен был видеть на ней ожерелье за все это время. Может, мистер Кейн смог бы заняться этим делом?

– Возможно, девица продала ожерелье, узнав о смерти Дэвида, – нерешительно сказала Франческа.

– Тебе придется обо всем рассказать лорду Мондли.

– О, нет! Он же ничего не знает о связях Дэвида с женщинами. Это просто разобьет его сердце, если он, к тому же, поверит мне.

Миссис Дэнвер, обеспокоенно нахмурившись, сказала:

– А власти прислали назад из Испании все его вещи? Я подумала – вдруг он брал ожерелье с собой.

– Да уж, и для чего – ты можешь себе представить! Ожерелье не было возвращено с его личным имуществом. А если он подарил его какой-нибудь там сеньорите – считайте, что

оно потеряно навсегда.

В четыре часа камердинер лорда Мондли появился на пороге и сообщил, что не нашел ожерелья.

– Я сообщу об этом лорду Мондли, – важно сказал и ушел.

А лорд Дивэйн в этот вечер тщетно рыскал по Лондону в поисках леди Кэмден. Что касается леди Кэмден, то она в это время дома обсуждала с Селби Кейном и тетушкой случившееся. Мистер Кейн был в своей стихии, входя в потенциально трагедийную роль.

– Я неоднократно предупреждал тебя, что все это плохо кончится, Френ. И вот, свершилось! Ты говоришь, ту леди звали Рита? Ты не знаешь ее фамилию?

– Понятия не имею. – угрюмо ответила Франческа.

– Я совершенно не знаком с такого рода дамочками и считаю их падшими особами. Это отбросы общества! Не имею с ними никаких отношений. Может быть, Джон Ирвин сможет помочь мне в этом деле, – сказал он, называя имя друга, вращавшегося в более высоких кругах, чем сам мистер Кейн. – Обычно по вечерам его нужно искать в доме Бруки. По крайней мере, это охраняет его от общения с дурной компанией. Я зайду к нему и узнаю, что он думает по этому поводу.

Мистер Ирвин, щегольски одетый, очень энергичный джентльмен с мигающими голубыми глазами и прекрасным чувством юмора, зашел вместе с мистером Кейном на следующий день. В отличие от Кейна, мистер Ирвин считал себя способным на всякого рода уловки. Он владел жаргонны-

ми словечками, словно филолог латинским, и страстно желал предоставить себя в распоряжение леди Кэмден.

– Цепочка некрупных бриллиантов небольшой длины с коронообразной подвеской из более крупных. Ах да, на застежке сзади – несколько рубиновых камней.

– Ну что ж, очень характерный вид. Его нетрудно будет узнать.

– Вам нигде не случилось видеть такое ожерелье? – спросила миссис Дэнвер.

– Дамочка, видимо, моментально припрятала его куда-нибудь как только услышала о смерти Кэмдена.

– Или же продала его, – уныло добавил мистер Кейн.

– Не думаю. Эти драгоценности зарегистрированы наряду с другими ценными вещами в наследственном завещании. Она, скорее всего прячет эту добычу, приберегая ее на черный день. Эти женщины непредсказуемы. А посредники воров в подобных притонах не дадут ей и одной десятой стоимости ожерелья.

У миссис Дэнвер был очень слабый слух и, приложив руку к уху, она переспросила: «Прошу прощения, мистер Ирвин. Я не совсем поняла Вас».

– Я имел в виду, что она заложила ожерелье в каком-нибудь воровском убежище.

– А где это?

Мистер Ирвин с пониманием рассмеялся.

– Извините, мадам, что я пользуюсь жаргоном. Я хотел

сказать, что эта пресловутая особа могла отдать ожерелье посреднику, имеющему дело с украденными вещами. За это он, видимо, заплатил ей небольшую часть стоимости всего украшения, разъединил ожерелье и продал его по отдельности.

– Но тогда нам никогда не удастся вернуть ожерелье! – чуть не плача, сказала Франческа.

– Я нередко предупреждал тебя, что ты ходишь по тонкому льду, – мрачно сказал мистер Кейн. Его покачивание на поминало движения дамского веера по мере того, как он ходил взад и вперед.

– Ради бога, сядь, Селби! – отрывисто сказала Франческа Мистер Ирвин бодро и со знанием дела продолжал свои рассуждения.

– Да, несомненно, этот воровской притон, вероятно, единственное место, куда может заглянуть эта дамочка. Но, конечно, если она какая-нибудь неповоротливая простофиля, то просто держит ожерелье у себя дома Думаю, что оно станет хорошим сбережением на черный день в старости. Клянусь, что это так Ну, не волнуйтесь, милые дамы, мы подсуетимся и непременно найдем вашу вещицу. Я зайду в притон к этим проходимцам и разыграю такого проныру, что ни один хитрец не догадается, кто я есть на самом деле. Если ожерелье уже попало туда, я уверен, что узнаю об этом. Вы не могли бы подготовить несколько золотых на случай, если укрыватель краденного не захочет расставаться с ожерельем и потребует большого выкупа?

– Ты не мог бы говорить на нормальном английском, без твоих словечек, Джон? – спросил Селби.

– Бы имеете в виду, что потребуются деньги для выкупа ожерелья? – спросила Франческа Ирвина.

– Именно.

– Сколько они могут запросить? – с испугом спросила миссис Дэнвер.

– Я дам вам знать.

– Не понимаю, почему я должна платить! – возмутилась Франческа.

– Безусловно, Вы не должны. Пусть Мондли делает это.

– О, но ведь он ничего не знает о проделках моего бывшего мужа.

– Ну что ж, прочистим ему уши. Тем более, что весь город знает об этом. Но прежде, чем встречусь с обитателями притона воришек и мошенников, мне надо повидаться с приятелями, которые преотменно осведомлены об этой компании барышень легкого поведения. Может, мне удастся вывести, кто такая – Рита. Поговорю с Досоном Эзерингтоном, Дивэйном.

«Нет!» – невольно громко вырвалось у леди Кэмден. Это привлекло внимание всех присутствующих. А Франческа добавила: «Я не хотела бы привлекать к делу Дивэйна». В разговор вступил заинтересованный Ирвин: «Но почему же?» – не произошло ли здесь чего-либо такого, о чем не знает он?

– Мы полагаем, что Дивэйн питает какой-то интерес к леди Кэмден, – туманно предположил Кейн.

– А я и сказал Франческе, что он не для нее, совсем из другого круга.

Ирвин вскинул брови, выказывая этим крайнее удивление:

– Не уверен, что от него следует что-то скрывать. Это чрезвычайно порядочный и надежный человек. Вот уже несколько сезонов – самая выгодная партия для многих девушек, желающих выйти замуж.

Леди Кэмден горячо стояла на своем:

– Он вовсе не интересный человек, но я не желаю вовлекать его в эту игру.

– Как велите, мадам, – примирительно заключил Ирвин. – Но вы ничего не будете иметь против моего разговора с Досоном и лордом Эзерингтоном?

Франческа облегченно вздохнула:

– Абсолютно ничего, да еще стану следить во все глаза за этим. Приближается бал у четы Киприен, и наша танцующая Рита может осмелиться придти туда, украсив себя ожерельем. Конечно, она будет в кругу своей компании. Но будьте уверены, скоро всем станет не секретом, что ожерелье именно у нее.

Вскоре мистер Ирвин ушел, чтоб с готовностью заняться наведением справок. А мистер Кейн остался прочитать дамам очередную лекцию. Но разговор снова перекинулся на

прежнее. Миссис Денвер спросила:

– А есть уверенность, что можно положиться на этого джентльмена, его благоразумие?

Мистера Селби, которого заставили-таки сесть, высказал свое мнение:

– У него доброе сердце. Правда, не знаю – умеет ли он держать язык за зубами. Но надо ж что-то предпринимать. У меня не так много знакомых, которые были бы знакомы с какими-либо проститутками. Но если ожерелье не будет найдено – слухи расползутся. Уж лучше всеобщее негодование обрушится на кого следует и так, а не на Френ. Ведь в противном случае ее репутация окончательно будет загублена.

– Ну... а если случится самое худшее, и тебе придется признаться Мондли, рассказав всю правду? – устало вздохнула миссис Денвер.

Франческа взвешивала все услышанное. Казалось, старые боль и печаль заново в ней ожили, заледенили сердце. Для строгих родителей Дэвиде утаенное покажется чем-то более странным. Зачем подвергать старика и его больную жену этой душевной пытке, если ее можно избежать? Она с радостью пожертвует подаренными ей к свадьбе драгоценностями, чтобы выкупить ожерелье, если это станет единственной возможностью замять историю. Жаль, что подарок Дэвида не покроет стоимости ожерелья. Однако, надеюсь, что до такого исхода не дойдет.

Видя внутреннее огорчение Френ, Селби предложил:

– А как насчет того, чтобы прогуляться сегодня вечером и забыть обо всех неприятностях на часок-другой?

Он так сочувствовал ей!

Ее плечи поникли. Лицо напряжено. Все свидетельствовало о сильном беспокойстве. Она с удивлением подняла глаза, поскольку такое предложение редко когда исходило от мистера Кейна. «Спасибо, Селби! Сегодня что-то не хочется».

– Я имел в виду только концерт античной музыки. Мне кажется, композиторы тех времен успокаивают нервы. Но как хочешь, – ответил он, стараясь скрыть, что почувствовал облегчение, получив отказ. И ушел. Получив освобождение от необходимости защищать даму, попавшую в беду, Селби весь вечер провел в Брукс клуб, где встретил мистера Ирвина. Они поприветствовали друг друга и, присев за отдельный столик, заговорили о пресловутом деле.

– Ну что, Джон, есть хоть какие новости? – с интересом начал Селби.

– Ты когда-либо замечал, как вертятся одни и те же имена в течение сезона? – казалось бы, загадочно ответил Ирвин. И продолжал: «Я имею в виду, что здесь следуют моде. Скажем, сотни девушек называют себя Джорджианами – по имени герцогини Девонширской. Иные решают называться Шарлоттами и Каролинами, следуя примеру королевской семьи. А иногда по неведомой причине станет модным имя Арабелла. Ныне не часто услышишь имя Анна или Мэри».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.